

УДК 821.161.1

И. С. Урюпин

Урюпин Игорь Сергеевич — доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы
Московского педагогического государственного университета,
isuryupin78@mail.ru

МАКАР ДЕВУШКИН КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХЕТИП (НЕСОБРАННЫЙ МИКРОЦИКЛ «РАССКАЗОВ МАКАРА ДЕВУШКИНА» М. А. БУЛГАКОВА)*

В статье впервые в литературоведении образ Макара Деушкина, восходящего к роману Ф. М. Достоевского «Бедные люди», квалифицируется как обладающий мифосуггестивным потенциалом, обосновывается возможность его отнесения к числу литературных архетипов. Конкретно-фактической литературной основой реализации архетипической сущности образа Макара Деушкина оказываются рассказы М. А. Булгакова 1920-х годов («Рассказ Макара Деушкина», «Как школа провалилась в преисподнюю»), представляющие собой несобранный микроцикл, объединенный героем-нарратором, который носит прецедентное имя, вызывающее комплекс готовых ассоциаций. Булгаковский Макар Деушкин — не просто авторская маска, а вполне определенный характер, ментально-психологическое ядро которого сформировано Ф. М. Достоевским, в новых исторических и социокультурных обстоятельствах обнаруживающий свою жизнеспособность и развитие.

Ключевые слова: М. А. Булгаков, Ф. М. Достоевский, Макар Деушкин, литературный архетип, сатира.

Uryupin I. S.

MAKAR DEVUSHKIN AS LITERARY ARCHETYPE (NOT COLLECTED MICROCYCLE
OF M. A. BULGAKOV'S "STORIES BY MAKAR DEVUSHKIN")

In article for the first time in literary criticism the image of Makar Devushkin who is going back to the novel by F. M. Dostoyevsky "Poor people" is qualified as having mifosuggestivny potential, the possibility of its reference to number of literary archetypes is proved. The stories by M. A. Bulgakov of the 1920th years ("the Story by Makar Devushkin", "As school failed in an underworld") representing not collected microcycle united by the hero-narratorom who bears the case name causing a complex of ready associations are the concrete and actual literary basis of realization of archetypic essence of an image of Makar Devushkin. Bulgakov's Makar Devushkin — not just author's mask, but quite certain character which mental and psychological kernel is created by F. M. Dostoyevsky, in new historical and sociocultural circumstances finding the viability and development.

Keywords: M. A. Bulgakov, F. M. Dostoyevsky, Makar Devushkin, literary archetype, satire.

Феномен литературного архетипа, несмотря на его всестороннее теоретическое осмысление в самых разных гуманитарных науках, до сегодняшнего дня вызывает многочисленные споры и дискуссии. И хотя современная архетипология уже давно преодолела юнгианский канон, идеи К. Г. Юнга по-прежнему остаются методологической основой для верификации первообразов, претендующих на статус архетипа. Сам К. Г. Юнг не склонен был догматизировать свое учение о коллективном бессознательном и хорошо понимал, что «все самые мощные идеи и представления человечества сводимы к архетипам» [15, с. 133], потому они «могут вновь и вновь воспроизводиться в любом веке и месте» [16, с. 191]. Духовно-психологический, культурно-исторический опыт познания мира отдельным человеком и человечеством в целом концентрируется в образах, когнитивная природа которых одновременно является уникальной и универсальной, доступной для понимания / осознания другим через приобщение к мыслям и чувствам собеседника.

Диалог сознаний отдельных субъектов возможен только в едином семантическом поле, в котором *поименованы* явления и вещи. «Тот факт, что *обретение* архетипической *сущностью* имени в словесном творчестве совпадает с *обретением архетипом художественности*, остается не разрешенной до сих пор загадкой» [4, с. 30], — констатирует А. Ю. Большакова. А это значит, что архетипическими свойствами обладают не только обобщенно-абстрактные образы онтогенеза и филогенеза (собственно юнговские архетипы «тени, мудрого старца, младенца (включая героя-младенца), матери», «ее двойника девы и, наконец, — анимы у мужчин и анимуса у женщин» [16, с. 179]), но и конкретные литературные персонажи, преодолевающие свою строгую привязанность к первоисточнику, но вместе с тем не утрачивающие свою ассоциированность с ним.

Так в понятие архетипа как особой эйдетической категории, получившей в современной гуманитаристике теоретическое обоснование, входит и концеп-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «М. А. Булгаков: pro et contra. История и современное отношение к наследию Михаила Булгакова» № 18–012–00374.

туальная модель определенного характера «на уровне литературного образца!» [3, с. 170], который, утрачивая изначальную социально-историческую обусловленность, преодолевает свое время, но еще не становится в полной мере «вечным образом», а представляет собой инвариант художественного субъекта, вызывающего комплекс готовых ассоциаций. Таким литературным архетипом оказывается один из главных героев романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» (1844–1845) Макар Деушкин.

М. М. Бахтин заметил, что «образ Деушкина» «принципиально отличен от объектных образов бедных чиновников у других писателей», «он полемически заострен против этих образов» [1, с. 483]. Сама полемичность героя Ф. М. Достоевского усматривается исследователем не в его формальной принадлежности к психосоциальному типу «маленького человека», как Самсон Вырин из пушкинского «Станционного смотрителя» или Акакий Акакиевич Башмачкин из гоголевской «Шинели», а в особой онтологической природе персонажа, в манифестации его личности, в его напряженной рефлексии над собой и миром. «Достоевский изображает не “бедного чиновника”, но *самосознание* бедного чиновника» (курсив М. М. Бахтина. — *И. У.*) [2, с. 57], преодолевающего свою бытийно-бытовую ограниченность и переживающего катарсический эффект духовного преображения, процесс и результат которого и составляет для писателя суть человеческого существования. А потому в основе архетипа Макара Деушкина лежит «идея “восстановления” человека» (курсив В. Н. Захарова. — *И. У.*) [7, с. 87], реализующаяся через «духовный сюжет — превращения Деушкина из чиновника в человека» [8, с. 49]. «Можно быть умнее и образованнее Макара Деушкина, как, к примеру, Чацкий, Онегин, Печорин, Андрей Болконский или Пьер Безухов», — замечает В. Н. Захаров. — «Тем не менее в характере и в личности Макара Деушкина есть нечто, что делает его значительнее многих героев не только русской, но и мировой литературы» [8, с. 84–85]. Это «нечто», что и сам герой Ф. М. Достоевского не осознает в полной мере, но очень хорошо чувствует, он попытался выразить в одном из своих исповедальных писем к Вареньке Доброселовой, знакомство с которой наполняет его жизнь смыслом:

«говорили, что я туп, я и самом деле думал, что я туп, а как вы мне явились, то вы всю мою жизнь осветили темную, так что и сердце, и душа моя осветились, и я обрел душевный покой, и узнал, что и я не хуже других, что только так, не блещу ничем, лоску нет, тону нет, но все-таки я человек, что сердцем и мыслями я человек» [6, с. 77–78].

Человечность как нравственная сущность личности, актуализированная писателем в главном герое романа, получила особое художественное измерение: абсолютизированная и доведенная до гротеска, она конденсировалась в образе наивного (доверчивого), простосердечного (добросердечного)

Макара Деушкина, имеющего «амбиции», осознающего себя «не хуже других». При этом вполне очевидно, что персонаж Ф. М. Достоевского не просто некоторая «маска», представляющая собой условность для «позиционирования, объективации “во вне” автором себя» [10, с. 16] или определенных идей, носителем которых выступает герой, а самодостаточный литературный архетип, преодолевающий парадигматику и синтагматику текста-источника и выходящий в иную художественную и жизненную реальность.

Так образ Макара Деушкина, освободившись от конкретно-исторического и социокультурного хронотопа романа «Бедные люди», становится не просто сюжетообразующим в рассказах М. А. Булгакова начала 1920-х годов, но и организующим их нарративную структуру. Подобно герою Ф. М. Достоевского, выражающего свое видение мира и самого себя в письмах, булгаковский персонаж-рассказчик тоже прибегает к форме доверительно-душевного эпистолярного адресованного таким же «маленьким» («кто есть бедным, слабым и незащищенным» [11, с. 46]) людям, как и он сам. В период работы литправщиком, а затем и журналистом в газете железнодорожников «Гудок» М. А. Булгаков часто использовал не только псевдонимы (например, М. Мишев), но и различные авторские маски (в том числе и прецедентные имена «из Гоголя»), выдавая свои материалы от имени условных рабочих корреспондентов (некоторые из них обозначены цифрами: «рабкор 210», «рабкор 644», «рабкор 719», «рабкор 545» и др. [5, т. 2, с. 142; 145]). Содержание рабкорских писем, по мнению М. С. Штейман, — это «подлинные эпизоды и сценки обывательской жизни железнодорожников и их семей» [14, с. 128], зачастую весьма безрадостной, наполненной «“бесчисленными уродствами” советской действительности» [14, с. 128], но вместе с тем отнюдь не безнадежной, содержащей внутренние резервы и возможности для ее преображения и просветления.

В фельетоне «Как школа провалилась в преисподнюю» (1924), имеющем характерный жанрово маркированный подзаголовок «Транспортный рассказ Макара Деушкина», писатель на первый взгляд устраняется как от самого содержания текста, так и от формы его подачи («Со слов Макара Деушкина записал Михаил Б.» [5, т. 2, с. 155]; этот же прием М. А. Булгаков использовал неоднократно: «Записал рассказ Михаил Б.» [5, т. 2, с. 129]), всецело доверившись рассказчику, максимально точно воссоздав манеру его речи и мысли. Макар Деушкин, предстающий в булгаковском произведении «известным московско-белорусско-балтийским железнодорожником», «сядя в пивной в кругу своих друзей» [5, т. 2, с. 154], повествует об одном происшествии, случившемся на Немчиновском посту, которое при всей его внешне комической подоплеке оказывается отнюдь не комическим по сути. Экспроприированная у «бывшего гражданина» Сенет дача («Замечательная дачка. Со всеми неудобствами» [5, т. 2,

с. 154]), превращенная в школу, из-за недоделанного водопровода рухнула «весной, как начала земля таять», «в глубокую яму, более чем в 3 сажени шириной» [5, т. 2, с. 155], остался «один нужник на 90 персон и на воротах вывеска: “Школа первой ступени”, и больше ничего — лысое место!» [5, т. 2, с. 155]. «Так и прекратилось у нас просвещение на Немчиновском посту Московско-Белорусско-Балтийской железной дороги...» [5, т. 2, с. 155], — сетовал Макар Девушкин, завершая свой «транспортный рассказ», адресованный провинциальным обывателям. В отличие от булгаковского героя, Макар Девушкин в романе «Бедные люди» — столичный житель, имеющий о себе высокое мнение. «Среди простого народа» он, по замечанию К. А. Баршта, «чувствует себя достаточно просвещенным» [6, с. 573], осуждая «необразованного мужика» [6, с. 75], не способного понять культурного человека и его заботу об исправлении общественных нравов. Персонаж М. А. Булгакова уже в совершенно иных социально-исторических условиях ратует о просвещении и сокрушается о невежестве товарищей, заостряя внимание на абсурдности и комичности самой жизненной ситуации, ставшей предметом его рассказа («въехала вся школа в колодезь» [5, т. 2, с. 155], как будто в преисподнюю), вызывающей приступ обличающего, но вместе с тем очищающего смеха. Вообще смеховое начало присуще Макару Девушкину как литературному архетипу. В романе Ф. М. Достоевского, по замечанию Л. М. Розенблюма, «все светлое в душе этого маленького, неприятного чиновника <...> неотрывно от впечатлений юмористических» [13, с. 171].

Юмористический пафос, аллюзивно сопутствующий образу Макара Девушкина, в творчестве М. А. Булгакова связывает несколько художественных текстов, объединенных не только тематически, содержательно и ситуативно (на уровне общего критического и сатирического осмысления действительности начала 1920-х годов), но и структурно-семантически (на уровне мотивной организации произведений, поэтики в целом). Это дает основание рассматривать фельетон «Как школа провалилась в преисподнюю. Транспортный рассказ Макара Девушкина» и собственно «Рассказ Макара Девушкина», написанный в 1924 году и опубликованный в газете «Гудок», как несобранный микроцикл. По определению Е. В. Пономаревой и Ю. П. Агеевой, микроцикл

«представляет собой наджанровое единство, композиционную форму особого типа, основанную на монтажном принципе построения материала и состоящую из двух или трех относительно самостоятельных произведений, в которой фактически не реализуется иерархия “ключевой” / “периферийный” текст» [12, с. 103].

М. А. Булгаков, на заре своей писательской карьеры с изрядной долей иронии относившийся к самому процессу создания фельетонов, занимав-

шему «от 18 до 22 минут», как признавался автобиографический герой повести «Тайному другу» (1929), часто подписывал свои опусы «или каким-нибудь глупым псевдонимом, или иногда зачем-то своей фамилией» [5, т. 5, с. 314], относил редактору и благополучно забывал, совершенно не думая об их литературной ценности. Однако между отдельными текстами, никогда не объединявшимися в художественное целое, обнаруживаются внутренние образно-смысловые связи, стилистическая общность, эстетическая валентность, что делает эти произведения частями *несобранного цикла*. Факт несобранности не отменяет глубинных содержательно-онтологических констант, конвергирующих отдельные рассказы в цикл.

«Рассказ Макара Девушкина», сознательно ориентированный на претекст Ф. М. Достоевского, вступает в диалог с первообразом «Бедных людей», с одной стороны, и служит импульсом для создания совершенно самостоятельных текстов, содержащих архетипический потенциал, — с другой стороны. Булгаковский Макар Девушкин — это не герой Ф. М. Достоевского, оказавшийся по воле художника в совершенно иных исторических обстоятельствах (как, скажем, гоголевские типы из «сатирической повести» М. А. Булгакова «Похождения Чичикова» (1922), не утрачивающие содержательно-смысловой связи с поэмой «Мертвые души»), а совершенно особый образ, в котором архетипический след первоисточника является лишь стимулом для развертывания характера и определенного видения мира сквозь призму некоторых ментально-психологических, социокультурных шор и стереотипов. Весь «Рассказ Макара Девушкина» М. А. Булгакова — это и есть сюжетная реализация заявленного в экспозиции «личностного» тезиса героя-нарратора, обладающего комплексом внешних и внутренних качеств, присущих персонажу Ф. М. Достоевского: «Жизнь наша хоть и не столичная, а все же интересная, узловая жизнь, и происшествий у нас происходит невероятное количество» [5, т. 2, с. 127]. Об одном из них и поведал простосердечный Макар Девушкин, оказавшийся свидетелем «триумфа» секретаря месткома Фитилева, сумевшего после утомительного многочасового собрания общности железнодорожной станции «показать» себя, а заодно «от имени Российской коммунистической партии большевиков» провести «список кандидатов в местком» [5, т. 2, с. 128].

Банальная история, из каких, в сущности, и состоит «интересная» жизнь обывателя (подобных историй не в фактическом, конечно, а в экзистенциальном отношении немало и в романе «Бедные люди»), становится «узлом» рассказа Макара Девушкина в булгаковском фельетоне, который точно мог бы называться «Брюки и выборы» (но это название автор оставляет лишь потенциальным, акцентируя внимание не на предметном, а на психологическом плане повествования). Между тем предметные образы в произведениях М. А. Булгакова,

«выполняя “назывную” функцию» [9, с. 121], имеют ярко выраженное ассоциативно-символическое значение, актуализирующее мощный культурно-философский и историко-литературный подтекст. Так, «новые брюки шевиот в полоску», которые Фитилев сподобился себе купить («Удивительного тут ничего нет для такого города мирового, как, например, Москва, — там у каждого брюки в полоску» [5, т. 2, с. 127]) и которые он демонстрирует на торжественном собрании, для секретаря месткома значили то же, что и новая шинель для Акакия Акакиевича Башмачкина. Булгаковский Макар Девошкин осознает ограниченность Фитилева, как осуждает героя гоголевской «Шинели», погруженного в рутину «вседневного, подлого быта» [6, с. 58], и Макар Девошкин Ф. М. Достоевского.

Однако персонаж М. А. Булгакова, оторванный от реально-бытовой стороны жизни, как и главный герой романа «Бедные люди», оказывается настолько доверчивым, что не в силах отличить истины от видимости. Он всерьез воспринимает Фитилева, говорящего «от имени» и выдающего себя не за того, кем является в действительности. Это хорошо понимает практичный партиец Назар Назарыч, называя секретаря месткома «Хлестаковым в полосатых штанах» [5, т. 2, с. 129]. Гоголевский интертекст пронизывает и роман «Бедные люди», выступая своего рода нравственно-этическим резонатором, актуализирующим тему духовной ограниченности маленького человека, живущего «с оглядкой» на других и потому постоянно обманывающегося. Обманывает себя, погружаясь в свой мир, отгородившись от соблазнов большого города, и Макар Девошкин Ф. М. Достоевского, которого М. М. Бахтин относил к типу «героя из подполья», «вечно прислушивающегося к чужим словам» [2, с. 230]. Булгаковский Макар Девошкин не просто прислушивается к товарищам «ячейки нашей станции», он живет в полном соответствии с привычным укладом и устоями провинциального миробытия, не выбивается из массы. А когда «в захолустной жизни» [5, т. 2, с. 129] случается что-то из ряда вон выходящее вроде «оригинального заседания» [5, т. 2, с. 129], он становится резонером и морализатором, в точности воспроизводит «самую манеру мыслить и переживать, видеть и понимать себя и окружающий мир» [2, с. 239], присущую герою Ф. М. Достоевского.

Так М. А. Булгаков, осмысливая современность во всей ее диалектической сложности и противоречивости, в ранних сатирических рассказах и фе-

льетонах, носящих принципиально личностный характер, нарочитую субъективность в оценке выражает через систему различных образов-масок, из которых отдельные могут быть классифицированы как литературные архетипы, обладающие особым мифопоэтическим содержательно-смысловым ядром.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. — М.: Худ. лит., 1986. — 545 с.
2. Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960–1970-х гг. — М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. — 799 с.
3. Большакова А. Ю. Литературный архетип // Литературная учеба. — 2001. — Кн. 6. — С. 169–173.
4. Большакова А. Ю. Имя и архетип: о сущности словесного творчества // Вопросы философии. — 2012. — № 6. — С. 28–38.
5. Булгаков М. А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 2. Роковые яйца. — М.: Голос, 1995. — 384 с.; Т. 5. Багровый остров. Пьесы, повесть, Черновые тетради романа «Мастер и Маргарита». — М.: Голос, 1997. — 544 с.
6. Достоевский Ф. М. Бедные люди. — М.: Ладомир; Наука, 2015. — 807 с. (Литературные памятники).
7. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. — М.: Индрик, 2013. — 456 с.
8. Казаков А. А. Ценностная архитектура произведений Ф. М. Достоевского. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. — 254 с.
9. Кутафина Ю. Н. Особенности предметного образа в произведениях Н. В. Гоголя и М. А. Булгакова // Творческое наследие писателей русского Подстепня: проблематика и поэтика. Сборник научных трудов. Вып. III. — Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006. — С. 118–122.
10. Осьмухина О. Ю. Авторская маска в русской прозе 1760–1830 гг. Автореферат дисс... доктора филол. наук. — Самара, 2009. — 40 с.
11. Петров В. Б. Тема «маленького человека» в творчестве Михаила Булгакова // Проблемы современных интеграционных процессов и пути их решения: сб. ст. в 2 ч. Ч. 2. — Уфа: ОМЕГА САЙНС, 2017. — С. 47–53.
12. Пономарева Е. В., Агеева Ю. П. Прозаический микроцикл первой трети XX века как архаическая форма // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». — Челябинск, 2014. — Т. 11. — № 1. — С. 101–106.
13. Розенблюм Л. М. Юмор Достоевского // Вопросы литературы. — 1999. — № 1. — С. 141–188.
14. Штейман М. С. М. Булгаков-фельетонист на страницах «Гудка» // Наука и мир. — Волгоград, 2014. — № 8. — С. 128–129.
15. Юнг К. Г. Йога и Запад. — Львов: Инициатива, 1994. — 230 с.
16. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. — К.: Гос. библиотека Украины для юношества, 1996. — 384 с.